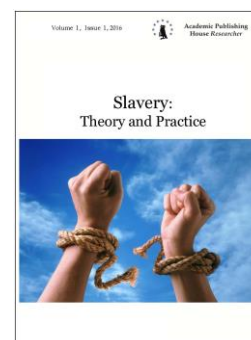

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Slavery: Theory and Practice
 Has been issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2020, 5(1): 19-36

DOI: 10.13187/slave.2020.1.19
www.ejournal43.com

Metamorphoses of the Circassian Slave Trade (13th–19th centuries): Aspects of Women as the "Live Goods"

Michal Šmigel^{a,*}

^a Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia

Abstract

In the study we attempt to examine the changing manifestations of the Circassian slave trade in the 13th–19th centuries with the focus mainly on women as the "live goods". Caucasian women, and especially the Circassian women, represented a "special export items" in the countries of the (Eastern) Mediterranean. Their beauty has been recognized and valued for centuries by almost all travellers and discoverers of the Caucasus, and they were in great demand in the slave markets of the Middle East. These questions are examined in the study: since and to what extent the Circassians participated in the slave trade, what led to the practice of this kind of trade, how it was perceived by the objects of the trade themselves, and what were the consequences of the female slave trade. The topicality of research theme lies in its focus on the female element of the slave trade.

The heuristics of the study consist of recently published documents and scientific publications which are the outcomes of the Russian and European research. Materials of personal character were also an important source of information (diaries, travelogues and publications of travellers, emissaries and researchers of the Caucasus from the 16th–19th century, especially from the period of the Caucasus War /1817–1864/). The methodological basis of the research consists of the principles of objectivity and historicism, a critical approach to the historical sources, analysis of the summary of facts and also monitoring of the studied phenomena in the context of their development and historical situation. An interdisciplinary approach was also used in studying the issue. The author concludes that since the 13th century the Circassians have adopted the mechanisms of the Black Sea slave trade and later they have penetrated the markets of the Black Sea-Mediterranean slave trade.

The slave trade (and especially female slave trade) gained the largest scale in the North Caucasus in the 18th century. It was caused by the increased demand for "live goods" in the Eastern markets, especially in the Ottoman Empire. Circassian women were highly valued. Paradoxically, many Caucasian women humbly accepted the possibility of being sold into slavery. Under the Ottomans, concubinage became such a widespread phenomenon that it was even considered a kind of "sociocultural lift", a way out of poverty, a way of getting out of poor living conditions in the homeland. The slave trade in the Caucasus had negative consequences for highland societies and caused great demographic, economic, cultural and moral damage.

Keywords: Northeast Caucasus, Circassian slave trade, Life of highland societies in the Caucasus, Slavery in the Middle East.

* Corresponding author

E-mail addresses: michal.smigel@umb.sk (M. Šmigel)

1. Введение

Кавказ – исторически уникальный по своей сложности регион. Он имеет многонациональный, религиозно разнообразный и многокультурный характер. Такие атрибуты он приобрел в результате своеобразного исторического развития. Цивилизации встречались на Кавказе с древних времен, и он был своего рода «этнической шахматной доской» народов, которые, помимо своей культуры, также были носителями своих личных проявлений, включая рабство и работорговлю. Основы работорговли, имеющие на Северо-Западном Кавказе глубокие исторические корни, уходят вглубь веков. Очевидно, что работорговля на Кавказе возникла еще в период античности, и в последующие века она, под влиянием Османской Турции, достигла своего апогея. Отличительной особенностью жизни и быта горских народов, их социальной организации и традиций являлось специфическое отношение к человеческой личности, а работорговля здесь играла важную роль в системе жизнеобеспечения горцев. При этом кавказские девушки, а главным образом черкешенки, представляли специальный экспортный товар в страны (восточного) Средиземноморья. Их красота признавалась на протяжении веков практически всеми путешественниками и исследователями Кавказа, а на невольничьих рынках Ближнего Востока они пользовались большим спросом. В данной статье ставится задача рассмотреть следующие вопросы: с каких пор и в какой степени черкесы принимали участие в этой работорговле, что вело к практикам такого ремесла, как оно воспринималось самими объектами работорговли и каковы были последствия.

2. Материалы и методы

Материалами для анализа и написания статьи послужили российские и европейские исследования в основном Нового и Новейшего времени, опубликованные документы, а также научные публикации современного периода. Важным источником стали материалы личного происхождения: дневники, мемуары и публикации путешественников, разведчиков, эмиссаров – исследователей Кавказа XVI–XIX веков и периода Кавказской войны (1817–1864).

Методологическую основу исследования составили принципы объективности и историзма, критическое отношение к источникам, вынесение суждений в результате анализа совокупности фактов, а также воссоздание рабовладельческих явлений в развитии и контексте исторической обстановки. В ходе работы применялись общенаучные методы, а также специальные методы исследования, свойственные исторической дисциплине. При рассмотрении избранной проблемы применялся и междисциплинарный подход.

3. Обсуждение и результаты

В истории работорговли на Кавказе Т.А. Дзуганов выделяет три основных этапа: «Византийский» – с IV по XII вв., «Латинский» – с XIII по XV вв. и «Турецкий» – с XVI по начало 1860-х гг. Его позиция основывается на изменениях в геополитической ситуации в Черноморском регионе и смене доминирующих держав (Дзуганов: 2015: 17). Однако с точки зрения интенсивности кавказскую работорговлю можно разделить на три хронологических этапа: первый – IV–XV вв. (или начальный), второй – XVI–XVIII вв. (или кульминирующий) и третий – XIX в. (или угасающий) (Cherkasov et al., 2018: 1334).

Первый – «византийский» – этап характеризуется незначительным развитием специфического промысла кавказских горцев – захватом пленных на собственной территории с целью последующей продажи на невольничьих рынках Черноморья и Ближнего Востока. Ограниченный институт рабства и работорговли в Византии ввиду ее продолжительного влияния на Кавказе не являлся фактором, способствующим развитию рабства у кавказских горцев.

Второй – «латинский» – этап работорговли связан с изменениями в характере торговли в восточном Средиземноморье, начало которых было положено предоставлением Венеции торговых привилегий в 992 г. и договором Мануила I с генуэзцами в 1169 году. По сути дела, Византия передала им выгодную черноморскую торговлю. Генуэзцы и венецианцы ревниво оберегали свою монополию на этот вид коммерции, которая приносила значительную прибыль

Третий – «турецкий» – этап был связан с падением Византии (в 1453 г. под ударами турок-сельджуков), которая на протяжении почти одной тысячи лет оказывала цивилизационное влияние на Кавказ и имела в союзниках Грузию, Абхазию и Зихию (Черкесию). Создание Османской империи предопределило глобальные изменения на Кавказе, а усиление ее позиций в горских обществах привело к расцвету работорговли.

В конце третьего этапа идет постепенное угасание работорговли и в итоге ее прекращение, что было связано с появлением на Кавказе нового геополитического игрока – Российской империи. С установлением у горских народов законов и порядков Российского государства владельцы рабов были лишены права личного распоряжения их судьбой, а убийство раба было приравнено к уголовному преступлению (Cherkasov et al: 2018: 1335).

В начале «латинского» (венециано-генуэзского) периода работорговли в Причерноморье невольников поставляли на рынки рабов татары, ежегодно устраивавшие набеги на польское королевство, русские земли и Кавказ. В XIII веке установилась монополия каффинских генуэзцев на работорговлю в бассейне Черного моря, то есть скупать рабов на побережье и вдоль речных торговых мест мог кто угодно, но после товар доставлялся в Каффу (Феодосию) и перепродавался генуэзцам – единственным, кто имел лицензию на вывоз рабов, в том числе в страны Средиземного моря (Возгин, 2011: 92; Еманов, 1995: 131). В XIV–XV вв. одним из главных источников поступления рабов на рынки Западной Европы и Египта был Циркумпонтийский регион, откуда рабы вывозились через Каффу, Тану (Азов) и Перу (Галата). Ограниченное значение имели другие генуэзские фактории Северного и Восточного Средиземноморья, а также крупнейший эмпорий Понта – Трапезунд. Именно в Трапезунде производилась покупка и погрузка рабов-черкесов (Quirini-Popławska, 1998: 165).

Оживление работорговли было связано с целым рядом обстоятельств, среди которых – увеличение спроса на рабов как в мамлюкском Египте и Леванте, так и в Европе. Итальянцы быстро вытеснили египетских купцов, закупавших рабов в Крыму и вывозивших их через Константинополь, и стали хозяевами положения. Из Таны, Сухума и Трапезунда генуэзцы и венецианцы отправлялись в земли Орды или мелких феодальных князей Западного Кавказа для приобретения рабов. Для бесперебойной торговли этим видом товара вовсе не обязательно было ходить в опасные набеги (Возгин, 2018: 9). За установленную плату «чужих» рабов, а также собственных девушек и юношей вполне добровольно поставляли все племена Черноморского региона. Вопрос все же состоит в другом: в какой степени народы Западного Кавказа (и особенно черкесы) принимали участие в этой работорговле?

Прежде всего следует подчеркнуть, что средневековая экономика Черкесии в силу своего натурального характера не зависела от использования труда рабов и, вероятно, не стимулировала местную работорговлю. Рабы здесь были, но не находили широкого использования и велась в основном транзитная работорговля. Как свидетельствуют источники, уже к X в. ведущей отраслью экономики адыгских народов было пашенное земледелие. Довольно развитыми были скотоводство и ремесло. «Однако они имели экстенсивный характер (особенно земледелие) и не могли удовлетворять все жизненные потребности местного населения, которые оказывалось сложно восполнить даже с помощью торговли, долго являвшейся меновой (вплоть до середины XIX в.)» (Дударев 2018: 92). Сведений об участии в трафике работорговли непосредственно черкесов либо других кавказских народов в этот период не имеется и вряд ли найдется, принимая во внимание венециано-генуэзскую монополию на процветающую торговлю рабами в бассейне Черного моря.

Кроме того, в этот период и сами кавказские народы были «добычей» в результате вторжения в регион различных завоевателей. Во второй половине XIII века кавказские народы испытали тяготы монголо-татарского завоевания. В конце XIV – начале XV вв. Закавказье подверглось вторжению и разграблению войсками среднеазиатского эмира Тимура (Тамерлана). Монголо-татары захватывали большое количество пленников. Однако их экономика тоже не нуждалась в значительном количестве рабочих рук. В основном в плен брались ремесленники, образованные люди, женщины и дети. Значительные массы рабов татаро-монголам было ни к чему, поэтому их просто убивали. Позднее их начали продавать, тем самым обеспечивая стабильность (из-за постоянных войн кочевой империи) черноморско-средиземноморской работорговли, процветание которой приносило большой

доход (Бахтин, 2012: 38), а черкесы этому быстро учились, поняв, что рабы, не находя применения в хозяйстве, могут служить источником обогащения вследствие их продажи.

В середине XIII в. сложилась такая уникальная ситуация, при которой во взаимовыгодное сотрудничество в вопросе трафика рабов вошли четыре ведущих актора – Золотая Орда, Египет, Византия и итальянские морские республики Генуя и Венеция. Татары предоставили массу рабов, Византия позволила их трансферт через проливы (не заботясь о христианских рабах), который обеспечили итальянцы, и те направлялись в мамлюкский Египет, чтобы обеспечить его военные и другие нужды (Хотко, 2015: 63).

Разветвленная сеть венециано-генуэзских колоний превращалась в рынки международной работорговли, которая шла бойко, и рабы попадали не только в Европу и Левант, но и в самые дальние уголки Средиземноморья. Самыми дорогими рабами считались русские, дешевле шли черкесы, а ценовой рейтинг на людей замыкали татары – торговали которыми, при этом, сами татарские купцы (Расцвет и закат работорговли, 2019).

По мнению Т.А. Дзуганова, с XIII века «черкесы адаптируют некоторые механизмы черноморской работорговли, создавая тем самым уникальный инструмент для решения насущных задач в области социо-культурных коммуникаций. Речь идет о рекрутинге черкесов в мамлюкскую гвардию египетского султаната при посредничестве генуэзских и венецианских купцов» (Дзуганов, 2015: 17-18). Однако, по другим данным, в XIII–XV вв. происходила оживленная торговля рабами между адыгами и итальянскими факториями на Черноморском побережье. Именно при генуэзцах женский «живой товар» стал более дорогим, чем молодые мужчины, что объяснялось востребованностью бесправных женщин-наложниц у европейских аристократов (Хлудова, Цыбулькинова, 2016: 96). Это подтверждает, что в позднее Средневековье население Северного Причерноморья (включая Западный Кавказ) было вовлечено в систему черноморско-средиземноморской работорговли, весьма значимая часть которой была ориентирована на пополнение военными рабами армии сирийско-египетского Султаната мамлюков (1250–1517 гг.) (Хотко, 2015: 61), а другая часть (со значительной долей рабынь) – для удовлетворения потребностей западноевропейских аристократических домов. Если в начале XIV века на европейских рынках «черкесов было примерно столько же, сколько русских и куманов (татар)», то после 1350–1375 гг. (одновременно с общим ростом цен) черкесских невольников становится больше, чем русских и татар, вместе взятых. Важнейшим фактором, определившим возрастание доли черкесов на рынке рабов, была пандемия чумы 1346–1353 гг. (и связанное с этим сокращение численности тюркских мамлюков). В XV веке черкесы составляли самую многочисленную группу рабов в Генуе (54 % от всей массы рабов из бассейна Черного моря). Власти Каффы установили прочные отношения с черкесскими князьями, закупая у них не только зерно и продукты питания, но и рабов. Девочки-подростки и молодые женщины превосходили числом юношей, экспортируемых в Европу (Хотко, 2016: 61, 63-64).

В конце XIV – начале XV вв. на рынках Трапезунда рабы с Западного Кавказа составляли 72,7 % (этнический состав рабов: черкесы и мингрелы – по 37,5 %, аланы и абхазы – по 12,5 %), а 27,3 % составляли вместе взятые татары, греки и евреи (Карпов, 1982: 198). Трапезунд служил эмпорием для Западного Кавказа, связи с которым были обширны, поэтому в нем гораздо чаще были представлены кавказские этнические группы (Карпов, 1982: 198-199).

Многие позднесредневековые европейские путешественники обращали внимание на то, что особенностью торговли у черкесов была купля-продажа «живого товара». Например, Иоганн (Ганс) Шильтбергер в начале XV века писал: «Земля черкесов, населенная христианами, исповедующими греческую веру; тем не менее они злые люди, продающие язычникам собственных детей своих и тех, которых они крадут у других...» (Адыги, балкарцы и карачаевцы, 1974: 38-39). Генуэзец Джорджио Интериано в конце XV – начале XVI вв. точно так же заметил: «Они нападают внезапно на бедных крестьян и уводят их скот и их собственных детей, которых затем, перевоза из одной местности в другую, обменивают или продают...» (Адыги, балкарцы и карачаевцы, 1974: 48). Очевидно, вклад в работорговлю самих черкесов был еще невелик, но постепенно разрастался.

Если говорить о соотношении полов в «латинском периоде», то здесь проявляется значительное различие между работорговлей в Египет и в Европу. Это объясняется тем

обстоятельством, что в Западной Европе, как правило, гораздо шире использовались рабыни, главным образом в качестве домашней прислуги, а рабы продавались на Восток. Вначале в ремесле и сельском хозяйстве Северной Италии рабы использовались мало, но в середине XIV века экономическая роль рабства в Европе усилилась, что, в свою очередь, углубило экономическую стагнацию и ускорило социальные перемены XIV–XV вв., поэтому преобладание рабов-мужчин в факториях – показатель их экспорта на рынки Востока (Карпов, 1982: 200). Нельзя забывать, что, помимо стабильного пополнения рабами (аланами, черкесами, русскими, кипчаками) мамлюкской армии в Египте, значительный спрос на рабов требовали византийские, сирийские и египетские плантации сахарного тростника. Рост потребления сахара в Европе (с XII в.) вызвал значительное увеличение плантаций в восточном Средиземноморье. Венецианские и генуэзские торговцы в то время не только владели плантациями «медоносной травы» в Леванте, но и бойко создавали новые на Кипре, Сицилии и Крите (Křížová, 2013: 36).

Третий – «турецкий» – этап положение с работорговлей на Кавказе резко изменил. Экспансия турок-сельджуков временно отрезала поставку рабов из бассейна Черного моря. После захвата османами Константинополя (1453) и Каффы (1475) турки пытались заградить морской приток военных рабов в Египет (до пандемии чумы Черкесия и Крым была основной территорией для мобилизации мамлюков) и, таким образом, сокрушить его господство (хотя еще некоторое время для трафика черкесских рабов в Египет продолжал действовать маршрут через восточные районы Анатолии, зависимые от Каира) (Хотко, 2015: 64). После создания Османской империи работорговля была снова возобновлена, но ситуация быстро менялась. Черноморские колонии итальянцев были захвачены османами. Тысячи людей ежегодно насильственно отправлялись в Османскую империю. Возникла широкая сеть поставщиков – крымских татар и горцев, а также большое количество невольничьих рынков в Северо-Восточном Причерноморье.

Важно то, как указывает С.Х. Хотко, что в период правления Узбек-хана в Золотой Орде (около 1283–1341 гг.) татары (кипчаки) приняли ислам окончательно, а это ставило деятельность купцов по приобретению невольников-татар вне закона (запрещалось превращение мусульман в рабов). Так как в это время Черкесия являлась христианской, то ее население, соответственно, отвечало требованиям работорговли. Кроме того, социальное и культурное состояние страны адыгов также полностью способствовало тому, чтобы стать «рудником» для добычи рабов. Во-первых, у черкесов не сформировалось государство (правитель бы противодействовал оттоку своих подданных, потенциальных налогоплательщиков и воинов). Во-вторых, были слабыми христианские церковные институты. Не хватало не только морального, но и властного авторитета главы Зихской епархии, который мог бы дать максимально негативную оценку такому явлению, как работорговля. В итоге децентрализованная и открытая вторжениям кочевников страна стала постоянным ресурсом рабов. Невозможно не согласиться с С.Х. Хотко, который отмечал: «Перед нами предстает разрозненное общество, отсталая страна, «застрявшая» в эпохе Великого переселения. Мораль находилась на том уровне, при котором считалось приемлемым захватить в плен или рабство своего соотечественника и продать его на чужбину» (Хотко, 2015: 65)

Усиление влияния Османской империи на Западном Кавказе осуществлялось по следующим направлениям: «расширение здесь турецкой торговли; интенсивное мореплавание вдоль кавказских берегов, ничем не ограниченное вплоть до екатерининского времени; целенаправленная деятельность среди горцев турецких эмиссаров; создание поселений (колоний) турок в Батуми, Ахалцихе, Поты, Суджук-Кале, Анапе, где содержались турецкие гарнизоны, и превращение их в центры работорговли» (Cherkasov et al., 2018: 1338).

Согласно Л.Н. Хлудовой и А.А. Цыбульниковой, в XVIII – начале XIX веков самыми крупными невольничьими рынками в регионе были следующие: на Северо-Восточном Кавказе – «Черный рынок» или «Кара базар» (ныне пос. Кочубей Тарумовского района Дагестана), Тарки, Дербент, селение Джар на границе Дагестана с Грузией, Аксай и аул Эндери в Дагестане; на Северо-Западном Кавказе – османские порты и крепости в бухтах Черноморского побережья: Геленджик, Анапа, Еникале (рядом с Керчью), Суджук-Кале (Новороссийск), Сухум-Кале (Сухум), Копыл (Темрюк), Туапсе, Хункала (Тамань) и др. При этом большинство рабов на невольничьих рынках Северо-Восточного Кавказа (и особенно

Дагестана) было из христиан, а на Северо-Западном – из абхазов и черкесов (Хлудова, Цыбульникова, 2016: 96).

Рабы были одной из основ экономики Порты. Возросший спрос в Османской империи на невольников для собственных хозяйственных и военных нужд, гаремов, а также вывоза в Египет и другие порты Леванта привел к росту цен на рабов и стимулировал широкое распространение в среде горских народов Кавказа промысла охоты на людей с использованием различных приемов и способов их получения исключительно с целью последующей продажи.

Кавказские племена разделились на охотников и добычу. Изначально это определялось местом их проживания – в непроходимых горах или на доступных местах, но со временем это различие исчезло. Горцы сроднились с этим доходным ремеслом, а выгодная и легкая торговля невольниками способствовала развитию хищничества. Стремление получить как можно больше «живого товара» инициировало междоусобицы племен, организацию набегов и похищений с целью захвата пленных. Подобная практика нанесла огромный демографический, экономический и моральный урон Кавказу (Cherkasov et al.: 2018: 1338-1339, 1343). Разумеется, людей воровали не только у кавказских соседей, но и вдоль Кавказской кордонной линии и на русской стороне. Причем практики захвата черкесами людей на русских землях существовали еще задолго до начала Кавказской войны (см.: Cherkasov et al., 2019: 1355-1367).

Под экономическим влиянием турок с Кавказа буквально хлынул поток рабов (представителей кавказских народов), продаваемых на невольничьих рынках Черноморского побережья. Хотя русского «товара» стало в разы меньше, торг оставался столь успешным, что купить на Северном Кавказе раба, а позже перевести его в Крым и продать было необычайно выгодно (Расцвет и закат работорговли, 2019). Наибольший масштаб торговля рабами (и особенно рабынями) приобрела на Северном Кавказе в XVIII веке (Хлудова, Цыбульникова, 2016: 96).

Помимо работорговли, с Кавказа вывозились рабы в качестве дани (черкесы считались подданными крымского хана). Например, французский дипломат на Черноморском побережье Карл Пейссоннель в своем трактате о торговле на Черном море в первой половине XVIII века отмечал: «Торговля рабами в Крыму очень значительна: продают рабов четырех различных народностей – черкесов, грузин, калмыков и абазов... Черкесы платят татарскому хану дань в виде определенного количества рабов, которых этот князь не только отправляет в Константинополь великому султану и чиновникам Порты, но которых он дарит также своим приближенным...» (Адыги, балкарцы и карачаевцы, 1974: 187-188). Нередко отец сам продавал своих детей: иногда и для того, чтобы не украли их у него соседи, в особенности этого стоило опасаться, если его дети статны и красивы (Cherkasov et al., 2018: 1341). В особо тяжкие и неурожайные годы, когда не было иного выхода, родители продавали своих детей (чтобы избавить их от голодной смерти), в особенности дочерей, работорговцам (Возгин, 2018: 9).

«Крымские купцы ездят в Черкесию, Грузию, к калмыкам и абхамам для покупки рабов на свой товар и отвозят их в Каффу для продажи, – продолжал К. Пейссоннель. – Оттуда их развозят по всем городам Крыма. Купцы Константинополя и других мест Анатолии и Румелии приезжают за ними в Каффу. Хан покупает ежегодно большое количество, независимо от того, сколько получает от черкесов; он сохраняет за собой право выбора, и, когда прибывает партия рабов, никто не имеет права покупки до тех пор, пока хан не сделает свой выбор. Рабы представляют из себя товар, стоимость которого невозможно установить; рабы встречаются всех возрастов – от детских лет до престарелого возраста; различные обязанности, к которым их предназначают, пол, красота, возраст, изящество, способности, сила, здоровье, удальство – все это определяет их цену; стоимость колеблется от 60 до 5000–6000 пиастров» (Адыги, балкарцы и карачаевцы, 1974: 187-189). Следует иметь в виду, что в середине XVIII века один турецкий пиастр приравнивался примерно к 75 копейкам. В перерасчете – это от 45 до 3750–4500 рублей серебром. Для сравнения, капитан русской армии в то время получал 300 рублей в год (Cherkasov et al.: 2018: 1341).

Кавказские девушки представляли «специальный экспортный товар» в страны Востока. Их красота признавалась на протяжении веков практически всеми путешественниками и исследователями Кавказа (обширный материал высказываний о

черкешенках и описаний русских, европейских и восточных авторов, восхищенных их изяществом и грацией, собрали адыгейские ученые (см.: Сукунов, Сукунова, 1992).

Рис. 1. «Черкешенки в изображении европейских авторов XVIII–XIX вв.» (Сукунов, Сукунова, 1992 – online: kavkaz-history.ru/sukunov-h-h-sukunova-i-h-cherkeshenka/34/)

Уже в начале XVI века генуэзский путешественник Джорджио Интериано о внешности черкесов и их женщинах писал: «В большинстве случаев они красивы и хорошо сложены и своим внешним видом вызывают восхищение у мамелюков в Каире. То же самое можно сказать и об их женщинах, которые совершенно не стоняются мужчин» (Кавказ..., 2010: 28). В отношении черкешенок католический миссионер Имиддио Дортели д'Асколи в 1630-х годах заметил, что «они самые красивые женщины в мире» (Кавказ..., 2010: 46). В принципе, то же самое повторил в начале XIX века Генрих-Юлиус Клапрот: «Их женщины самые красивые на Кавказе» (Клапрот, 2008: 219).

Рис. 2. «Черкешенки»

(слева: <https://topwar.ru/153925-rascvet-i-zakat-rabotorgovli-na-chernomorskom-poberezhe-kavkaza-chast-1.html> ; справа: Швейгер-Лерхенфельд, 1885: 17)

Подробнее описал черкешенок немецкий ученый и путешественник Адам Олеарий в середине XVII века: «Женщины у них обыкновенно хорошо сложены, миловидны лицом, белотелы и краснощеки; волосы черные, как смоль, в двух длинных крученых локонах свисают с обеих сторон; ходят они с открытыми лицами» (Адыги, балкарцы и карачаевцы, 1974: 83-84). Француз К. Пейссоннель в первой половине XVIII века отметил: «Женщины этой страны самые красивые и обаятельные, может быть, во всем мире; прелесть их внешнего облика и естественная грация очаровывают. Черкешенские женщины являются единственными, которые разделяют ложе турецкого султана и татарских князей; крымская знать держит в качестве наложниц только черкешенок» (Адыги, балкарцы и карачаевцы, 1974: 187-188). По словам других путешественников, «слава об их красоте так хорошо распространилась, что на трапезонтском и константинопольском базарах за черкешенку почти всегда вдвое, иногда втрое больше платят, чем за женщину, красота которой, при первом взгляде, показалась бы нам равною с первой и даже превосходящею» (Хлудова, Цыбульникова, 2016: 96).

Наконец австрийский журналист, писатель и путешественник Аманд Фрайхер фон Швейгер-Лерхенфельд в 1880-х годах в своей книге, посвященной женщинам всего мира (тогдашний европейский бестселлер), описал горянок следующим образом: «Внешнее физическое преимущество, отличающее черкешенок, особенно выразилось в их женщинах. Они славились издавна своею замечательной красотой». Черкешенская девушка, по словам автора, – «идеал женской прелести»: «По большей части черкешенки невелики ростом и очень нежного сложения; они черноволосы, с блестящими, выразительными черными глазами; каждое их движение исполнено живости и неподражаемой грации. Цвет лица нежнее и белее, чем у других кавказских женщин, и так как у них не везде в обычае закрывать лица, то путешественник чаще, чем он смел бы надеяться, может увидеть эти прелестные, изящные создания» (Швейгер-Лерхенфельд, 1885: 21-22).

Довольно много черкешенок продавалось работорговцами не в соседние аулы, а доставлялось на Черноморское побережье для продажи османам, так как это гарантировало большую финансовую выгоду (стоимость была значительно более высокой,

чем внутри региона). Цена невольника зависела от возраста, телосложения, красоты – особенно рабынь. Самый дорогостоящий «живой товар» – красивых кавказских девушек – обычно осматривали достаточно деликатно. При покупке особо оценивались глаза, талия, рост, ноги, руки, волосы (Хлудова, Цыбулькинова, 2016: 96-97). Для работорговца-турка большое значение играла невинность приобретаемой рабыни. «Так, если девушка еще не потеряла целомудрие, то ее цена вырастала в несколько раз» (Цыбулькинова, 2010: 283). В итоге в Турцию продавались лучшие девушки – цвет черкесской нации. Черкешенки здесь ценились чрезвычайно высоко.

Невольничьи рынки и процесс торга выглядели на Северо-Западном Кавказе, как правило, следующим образом: «Рабов доставляли на Черноморское побережье, где их уже ждали турецкие купцы, проживая неделями в каменных полуземлянках и хижинах. Когда сделка была заключена, в такую же полуземлянку закрывали купленный «товар», который, как и купец, неделями ждал окончания торга и погрузки на корабль. После того как набиралось достаточное количество невольников, их загоняли на каики – весельные, реже парусные суда – и отправляли в Константинополь, а потом в Египет и в Левант. После начала борьбы Российской империи с рабством на этих берегах суда турки прятали в устьях рек, а порой и вовсе заволакивали на сотни метров вглубь суши» (Расцвет и закат работорговли, 2019; Хлудова, Цыбулькинова, 2016: 96-97).

И. Мамедов обращает внимание на тот факт, что черкешенками назывались все невольницы, привезенные в столицу Османского государства, хотя они принадлежали к разным этносам, заселявшим Кавказ, и их соседям. Среди них были и мусульманки, хотя законами шариата запрещалось превращение мусульман в рабов или невольниц. Но как раз невольницы-красавицы из некоторых мест Кавказа, по той или иной причине оказавшиеся в гаремах Порты, составляли исключение. «В XIX веке самыми распространенными были невольницы из народностей убыхи, шапсуги, убыхахи, кабартай, беслинай, абхазы и многие другие. Среди них самыми известными и желанными были невольницы убыхи, шапсуги и абызахи. По своим физическим данным и по характеру они отличались от невольниц других народностей и считались более ценными» (Мамедов, 2010: 97).

Рабство на магометанском Востоке сильно отличалось от Нового Света (см. Smigel, Cherkasov, 2016: 1193-1194): статус раба регулировался законом, рабы имели возможность получить свободу, раб богатого хозяина мог иметь существенную привилегию, высокое социальное положение и др. Поэтому многие черкесские родители предпочитали продавать своих дочерей, «чем отдавать замуж даже за богатых соотечественников: они считали, что там им будет лучше, в гареме у мусульманина, который не только платит крупную сумму за красивую супругу, но и относится к ней с большой благожелательностью. Таким образом, им гарантирована жизнь в роскоши и в статусе, ни в коем случае не унижительном» (Возгин, 2018: 10).

Иначе говоря, рабство при турках стало столь распространенным промыслом, что считалось даже неким «социально-культурным лифтом» – изменением социального и имущественного статуса. Некоторые черкесы смело продавали османам собственных детей, надеясь на их лучшее будущее. Мальчики после продажи часто шли в войска, родители же их надеялись, что со временем в османской армии они достигнут высоких постов. Девушки попадали в гарем. В этом случае их родители рассчитывали, что своей красотой и умением специфического порядка они добьются расположения к себе влиятельного владельца гарема. Их родственники (в основном знатные черкесы) даже перебирались в Порту, отстраивая себе на турецком побережье дома, часто со временем становящиеся филиалами работорговли (Расцвет и закат работорговли, 2019). Следует отметить, что и кавказские мамлюки на Ближнем Востоке предпочитали покупать себе жен-пленниц со своей родины (см.: Хотко, 1993). Женитьба на черкешенке в то время стало модным явлением среди знатных пашей Ближнего Востока, не жалевших денег на их образование и воспитание (Сибгатуллина, 2020: 235).

Необходимо подчеркнуть, что сами кавказские девушки в большинстве своем не были против продажи в Османскую империю в качестве невольницы (Цыбулькинова, 2010: 281). Вероятность быть проданными в Турцию, Египет, арабские страны казалась

дочерям бедствующих кавказских семей одним из возможных путей спасения от нищеты, ожидавшей их после замужества у себя на родине (Сибгатуллина, 2020: 235). Джон

Август Лонгворт – корреспондент лондонской газеты «Таймс», побывавший в 1837–1839 гг. в Черкесии, подметил: «Если девушек продают работорговцу, это обычно бывает по их собственному согласию и исходя из их честолюбивых намерений, поскольку у них есть перспектива выгодно устроиться в лучших турецких гаремах» (Адыги, балкарцы и карачаевцы, 1974: 570). По этому вопросу А.Ф. фон Швейгер-Лерхенфельд подмечает: «Черкешенки, проданные в рабство, не особенно жалеют о своей участи. Подобно грузинкам, они считают это избавлением от невыносимо тяжелых условий своей жизни на родине...». Далее автор конкретизирует свое наблюдение: «Но как ни прекрасна черкешенка, жизнь ее в семейном кругу очень печальна. Поэтому обыкновенное назначение ее украшать гарем какого-нибудь турецкого вельможи совсем не так жалко, как можно полагать. Для черкеса жена не что иное, как служанка, которая всегда должна исполнять его волю; на ней лежат все домашние работы, а также забота о его вооружении. Эта жизнь, при всем внешнем блеске, в котором оба пола не отстают друг от друга, заставляет черкешенку проводить все время в жалкой мазанке, или в так называемом доме, состоящем из плетня, обмазанного глиной. Обращение мужей с женами также далеко не рыцарское». Кавказские женщины «не знают личной свободы и собственной воли» (Швейгер-Лерхенфельд, 1885: 22, 23-24, 27). «Можно заметить, что женщина у черкесов, как и у всех народов, славу которых составляют грабежи, находится в полном подчинении у мужа и является скорее его рабыней, нежели подругой», – подтверждал и французский пилигрим Фредерик Дюбуа де Монпере в 1830-х годах (Адыги, балкарцы и карачаевцы, 1974: 444).

Причем позитивное отношение к возможности попасть наложницей в турецкий гарем формировалось у черкешенок с младенчества. Немецкий путешественник Мориц Вагнер в 1840-х годах отметил, что черкесским девушкам, «чтобы смягчить бесчеловечность этой насильственной разлуки с их родными, уже с самого детства рассказывают много о пышности и роскошной жизни в турецких гаремах, оттого они покидают обычно без большого горя свои суровые горы и бесчеловечных родителей» (Адыги, балкарцы и карачаевцы, 1974: 629-630). Француз Ф. Дюбуа де Монпере тоже отмечал, что «молодая девушка не всегда смотрит на этот варварский акт отца под таким углом зрения: если она красива, она надеется суметь получить место в гареме в Турции. Подобные романтические мысли ее успокаивают...» (Адыги, балкарцы и карачаевцы, 1974: 445). В то же время не все горянки с одобрением и смирением относились к факту своей продажи на чужбину в гарем: были случаи побегов (Цыбульникова, 2010: 281).

По словам А.Ф. фон Швейгер-Лерхенфельда, «не все черкешенки достигают блестящей цели, о которой мечтают с самой юности. Некоторые, конечно, не только проникают в гаремы высочайших вельмож, но делаются кадинами или подругами султана. Другие, достигая власти и влияния, становятся супругами высокопоставленных турецких сановников. Случается, что подобная невольница несколько раз меняет повелителя, прежде чем достигнет желанного могущества, между тем как другие бесследно теряются в гареме. Понятно, что красота черкешенок не может не возбуждать ревности законных обитательниц гарема, и невольницам приходится часто много страдать от различного рода интриг. Иногда они терпят даже грубое обхождение, и многие кавказские девушки, мечтавшие в юности захватить в сети свои самого султана, рано отцветают, хиреют и умирают в чахотке, которой подвергаются часто жительницы гор, когда им приходится переселяться в жаркие страны Египта или Туниса» (Швейгер-Лерхенфельд, 1885: 26-27).

Вопрос о количестве вывозимых с Кавказа рабов до сих пор остается открытым. Приводимые данные существенно отличаются, да и не могут соотноситься по времени и территориально. До принятия Грузии в состав России ежегодная численность рабов, продаваемых туркам в портах восточного побережья Черного моря, оценивается в 3 тыс. Согласно российским источникам, в XIX веке ежегодно из Черкесии вывозилось до 4 тыс. человек – невольников обоого пола (Цыбульникова, 2010: 280; Шамиль, 1953: 127). Вывозили невольников также абхазы, мингрельцы, гурийцы и др. Вероятно, что только в мирное время (то есть без учета пленников, захваченных в набегах) на Черноморском побережье могло продаваться от 10 до 12 тыс. человек в год (Cherkasov et al., 2018: 1341). Таким образом, в процессе работорговли народы Кавказа лишались в первую очередь самых лучших (крепких, здоровых, красивых) представителей молодого поколения. По подсчетам А.А. Цыбульниковой, среди пленных доминировали дети до 12 лет и женщины (Великая,

2011: 39 – цит. Цыбульникова, 2011: 319). Безусловно, далеко не все кавказские красавицы продавались на Восток. Печален был удел большинства из тех женщин, кто оставался в качестве рабынь на Кавказе (см.: Клычников, Цыбульникова, 2011: 48-49).

С начала XIX века (период заката работорговли на кавказском побережье Черного моря) российское правительство предпринимает шаги для пресечения работорговли на Кавказе. В 1804 году оно обнародовало постановление, категорически запрещающее работорговлю на Черноморском побережье, а также на других невольничьих рынках Центрального и Северо-Восточного Кавказа (см.: Великая, 2011: 37-42). Предпринятые меры значительно сократили, но окончательно не ликвидировали это явление (История народов..., 1988: 78-79). С 1830-х гг. объемы работорговли на Черноморском побережье Северо-Западного Кавказа стали постепенно снижаться. Связано это было с тем, что по Адрианопольскому мирному договору 1829 г. Закубанье отошло к России и вывоз пленников турецкими купцами стал пресекаться российским военным флотом (Хлудова, Цыбульникова, 2016: 97).

На протяжении всей Кавказской войны работорговля продолжалась контрабандно. Однако были и другие варианты доставки «живого товара». Так, имеются данные о том, что джигеты доставляли рабов на невольничьи рынки официально под предлогом паломничества мусульман в Мекку (Documents and materials, 2016: 119). Стараясь обойти российское законодательство во второй половине XIX века, работорговцы, чтобы придать своей деятельности легальный вид, даже стали доставлять девушек из Черкесии под видом своих супругов (Хотко, 2001: 248). По свидетельству Морица Вагнера, «торговля черкесскими девушками производится все еще в том же объеме, но требует теперь большей осторожности, чем раньше, и ограничивается исключительно месяцами морских бурь, с октября по март, когда русские крейсера удаляются от берегов, лишенных гаваней. В Синопе и в Самсуне вид этих маленьких хрупких кораблей, на которых турецкие работорговцы отваживаются пускаться в опасный путь в самое худшее время года, приводит в изумление... Каждый корабль набит 30–40 девушками, которые, как сельди в бочке, посажены друг на друга, с большой покорностью подчиняются мученьям этого морского путешествия, которое они надеются скоро переменить на медовую жизнь в хваленном городе султана» (Адыги, балкарцы и карачаевцы, 1974: 629-630). Высокая рентабельность северокавказской работорговли привлекала турецких торговцев и провоцировала их идти на риск (Хлудова, Цыбульникова, 2016: 97). После того как с 1830-х гг. вывоз невольников с Черноморского побережья стал пресекаться российскими военными судами, стоимость пленниц внутри Кавказа заметно упала, но в Турции выросла. Сложившуюся ситуацию зафиксировал английский путешественник Эдмонд Спенсер: «В настоящее время, вследствие ограниченной торговли между жителями Кавказа и их старыми друзьями, турками и персами, цена женщин значительно упала». Спенсер заметил, что пока кавказские работорговцы такое положение «с отчаянием оплакивают», бедные черкесы радуются; «они могут теперь получить жену на очень легких условиях – ценность прекрасного товара падает» (Спенсер, 1994: 99). Если в Черкесии в XIX в. за девушку или женщину платили турецкие купцы от 200 до 800 руб. серебром, то после прибытия в Турцию их перепродавали за 1500 руб. серебром и выше (Клычников, 2004: 54).

Российский разведчик барон Федор Федорович Торнау в 1830-х годах писал, что торговля кавказскими женщинами «для турецких купцов составляла источник самого скорого обогащения. Поэтому они занимались этою торговлей, пренебрегая опасностью, угрожавшею им со стороны русских крейсеров. В три или четыре рейса турок, при некотором счастье, делался богатым человеком и мог спокойно доживать свой век; зато надо было видеть их жадность на этот живой, красивый товар» (Торнау, 2000: 180).

Действия российских кораблей Черноморского флота (ударной силы борьбы с рабством) против турецких контрабандистов отличались эффективностью. За время морского патрулирования побережья Северо-Западного Кавказа российской эскадрой были захвачены десятки судов, занимавшихся незаконной торговлей, работорговлей и поставками оружия горцам (Хлудова, Цыбульникова, 2016: 98; Золотарев, Козлов, 1988: 53-54; Cherkasov et al., 2017: 851-864).

Последним штрихом рабства и работорговли на прибрежных территориях Черкесии стало мухаджирство – массовое переселение черкесов в Османскую Турцию,

кульминирующее в 1860-е годы. Одной из причин мухаджирской трагедии стало нежелание горцев отказаться от своих рабов и работорговли¹. Например, как свидетельствуют российские источники, к переселению джигетов «в Турцию побудило объявление» российских властей, «что у них отберут всех крестьян и рабов, а через это распоряжение они лишатся рабочих рук, а с этим и средств к своему существованию, в Турции же, хотя и плохо им будет, но все-таки у них останутся их крестьяне и рабы, которые трудами рук своих будут доставлять им пропитание» (*Материалы по истории Абхазии, 2012: 196*). В свое время В.М. Покровский отметил: «...Переселение горских народов в Турцию вызвало настоящий ажиотаж по линии гаремных поставок живого товара со стороны турецких купцов. Не удовлетворяясь закупкой девушек и женщин в прибрежных пунктах, турецкие работорговцы проникали в самые отдаленные места и там выискивали особенно ценный «товар», ведя вместе с тем агитацию за переселение в Турцию». По переселению на территорию Османской империи большинство из горцев оказалось в крайне тяжелом положении, что вынуждало их продавать своих детей, жен и сестер (*Цыбулькиова, 2010: 287*).

Черкесские переселенцы размещались частично на территории Анатолии, но преимущественно на Балканском полуострове – в европейской части Османской империи, главным образом – в Болгарии. Согласно некоторым источникам, в течение 1857–1877 гг. переселилось около 1,5 млн человек из региона Западного Кавказа. Тем не менее рабство в Турции сохранялось недолго. Уже в 1876 году, в период правления султана Абдулазиза (1861–1876 гг.), турецкое правительство законодательно отменило работорговлю и рабство в Османской империи. Еще какое-то время оно фактически продолжало существовать. Особенно много рабов привезли черкесы в Болгарию (около 150 тыс.). «Черкесы-рабовладельцы, упорно сопротивляясь законам об отмене рабства, тысячами продавали своих невольников в периферийные районы империи (Бейрут, Месопотамию), так как в метрополии оно уже преследовалось. Лишь после освобождения Болгарии, с 1879 г., рабство здесь было искоренено. То же самое произошло и в Румынии, ставшей независимой годом раньше» (*Возгин, 2018: 13*). Остатки рабства в османских владениях окончательно исчезли лишь в начале XX века – в результате младотурецкой революции 1908 г. В итоге оно закончилось только после вступления некоторых держав в Лигу Наций после 1920 года (Турция, Иран и др.) (*Křížová, 2013: 217*).

4. Заключение

Работорговля на Кавказе, возникшая еще в период античности, в последующие века набрала интенсивный оборот, а под влиянием Османской Турции достигла своего апогея. Помимо ряда внешних факторов, внутренними причинами были отличительные особенности жизни и быта горских народов, их социальной организации и традиций, специфического отношения к человеческой личности и др. Экстенсивный характер экономики адыгов (земледелие и скотоводство) не могли удовлетворять все жизненные потребности местного населения. Недостаток жизненных ресурсов восполнялся набеговой деятельностью и работорговлей, играющими важную роль в системе жизнеобеспечения горцев. С XIII века черкесы адаптировали механизмы черноморской работорговли и были втянуты в рынки международной черноморско-средиземноморской работорговли «латинского» (венециано-генуэзского) периода. В оживленной торговле рабами между черкесами и итальянскими факториями значимая их часть была ориентирована на пополнение военными рабами армии сирийско-египетского Султаната мамлюков, а другая часть (со значительной долей девочек-подростков и молодых женщин) – удовлетворение спроса Западной Европы. Экспорт черкесских рабов представлял собой масштабный исторический и демографический процесс, имевший воздействие на демографическо-культурное развитие Черкесии также и в последующий «турецкий» период.

После падения Византии и возросшего влияния Османской империи в регионе с Кавказа буквально хлынул поток рабов, продаваемых на невольничьих рынках Черноморского побережья. Западный Кавказ стал «рудником» для добычи рабов, постоянным ресурсом работорговли. Ее рост был обусловлен возросшим спросом на «живой товар» на внешних рынках, в первую очередь турецком. Спрос привел к повышению цен на

¹ Дело в том, что в 1861 г. в России была отменена крепостная зависимость.

рабов и стимулировал на Кавказе развитие промысла набегов и похищений людей с использованием различных приемов и способов их получения исключительно с целью последующей продажи. Наибольший масштаб торговля рабами (и особенно рабынями) приобрела на Северном Кавказе в XVIII веке. Кавказские девушки представляли «специальный экспортный товар» в страны Востока. Черкешенки здесь ценились чрезвычайно высоко, в Турцию продавались лучшие девушки – цвет черкесской нации. Как ни парадоксально, но многие кавказские женщины вполне лояльно и со смирением относились к вероятности быть проданными в рабство. *Наложничество* при турках стало столь распространенным промыслом, что считалось даже неким «социально-культурным лифтом», путем спасения от нищеты, избавлением от невыносимо тяжелых условий жизни на родине.

Работорговля на Кавказе имела для горских обществ самые негативные последствия, особенно с точки зрения вывоза лучших по своим качествам мужчин, женщин, а также детей. Стремление получить как можно больше «живого товара» инициировало междоусобицы племен, организацию набегов и похищений с целью захвата пленных и их продажи. Несомненно, эта практика нанесла великий демографический, экономический, культурный и моральный урон Кавказу.

Литература

Адыги, балкарцы и карачаевцы, 1974 – Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов (XIII–XIX вв.) / Сост. В.К. Гарданова. Нальчик, 1974.

Бахтин, 2012 – Бахтин А.Г. Плен и рабство в период монгольского завоевания и в Золотой Орде по восточным источникам // *Вестник Марийского государственного университета*. 2012. № 10. С. 31-38.

Великая, 2011 – Великая Е.В. Борьба российской администрации с работорговлей на Северо-Восточном Кавказе в первой половине XIX века // *Научные проблемы гуманитарных исследований*. 2011. Вып. 10. С. 37-42.

Возгрин, 2011 – Возгрин В.Е. Рабство в странах Черного моря (позднее Средневековье – Новое время) // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия: История*. 2011. № 3. С. 90-100.

Дзуганов, 2015 – Дзуганов Т.А. Особенности и характер черкесской работорговли в XIII–XV вв. // Социально-политическое и культурное пространство Центрального и Северо-Западного Кавказа в XVI – начале XX вв.: направления и динамика интеграционных процессов. Сборник научных статей. Нальчик, 2015. С. 16-28.

Дударев, 2018 – Дударев С.Л. Экономическое состояние горцев Северного Кавказа глазами европейских авторов XVIII в. // *Вестник Армавирского государственного педагогического университета*. 2018. № 2. Т. 1. С. 84-93.

Еманов, 1995 – Еманов А.Г. Север и Юг в истории коммерции на материалах Кафы XIII–XV вв. Тюмень, 1995.

Золотарев, Козлов, 1988 – Золотарев В.А., Козлов И.А. Российский военный флот на Черном море и в Восточном Средиземноморье. М., 1988.

История народов..., 1988 – История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988.

Кавказ..., 2010 – Кавказ: европейские дневники XIII–XVIII веков / Сост. В. Аталиков. Вып. III. Нальчик, 2010.

Карпов, 1982 – Карпов С.П. Венецианская работорговля в Трапезунде (конец XIV – начало XV в.) // *Византийские очерки*. М., 1982. С. 191-207.

Клапрот, 2008 – Клапрот Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах. Нальчик, 2008.

Клычников, 2004 – Клычников Ю.Ю. Очерки истории прошлого народов Северного Кавказа / Под ред. проф. В.А. Казначеева. Пятигорск, 2004.

Клычников, Цыбулькинова, 2011 – Клычников А.Ю., Цыбулькинова А.А. «Так буйную вольность законы теснят...»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки) / Под ред. и с пред. Б.В. Виноградова. Пятигорск, 2011.

Мамедов, 2010 – Мамедов И.Д. Источники пополнения гарема османских султанов // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки*. 2010. № 2. С. 96-100.

[Материалы по истории Абхазии, 2012](#) – Материалы по истории Абхазии XIX в. (1863–1874 гг.). Сухум, 2012.

[Расцвет и закат работорговли, 2019](#) – Расцвет и закат работорговли на Черноморском побережье Кавказа. Часть 1 // *Военное обозрение*, 13. 2. 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://topwar.ru/153925-rascvet-i-zakat-rabotorgovli-na-chernomorskom-poberezhe-kavkaza-chast-1.html>

[Сибгатуллина, 2020](#) – *Сибгатуллина А.Т.* «Черкешенки» турецкой литературы // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. 2 (12). С. 232-245.

[Спенсер, 1994](#) – *Спенсер Э.* Путешествия в Черкесию / Пер. Н. Нефляшевой. Майкоп, 1994.

[Сукунов, Сукунова, 1992](#) – *Сукунов Х.Х., Сукунова И.Х.* Черкешенка. Майкоп, 1992.

[Торнау, 2000](#) – *Торнау Ф.Ф.* Воспоминания кавказского офицера. М., 2000.

[Хлудова, Цыбулькикова, 2016](#) – *Хлудова Л.Н., Цыбулькикова А.А.* Торговля невольницами на черноморском побережье Северо-Западного Кавказа в живописных и письменных источниках XIX в. // *Историческая и социально-образовательная мысль (Краснодар)*. 2016. Том 8. № 3. Ч. 2. С. 95-100.

[Хотко, 1993](#) – *Хотко С.Х.* Черкесские мамлюки. Майкоп, 1993.

[Хотко, 2001](#) – *Хотко С.Х.* Очерки истории черкесов. СПб, 2001.

[Хотко, 2015](#) – *Хотко С.Х.* Геополитические и этнокультурные причины вовлечения населения Северного Причерноморья в мобилизационную систему египетских мамлюков. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение*. 2015. Вып. 4 (167). С. 61-67.

[Хотко, 2016](#) – *Хотко С.Х.* Черкесские рабы в западном Средиземноморье (последняя треть XIII–XV вв.) // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение*. 2016. Вып. 1 (174). С. 60-71.

[Цыбулькикова, 2010](#) – *Цыбулькикова А.А.* Турецкие работорговцы в процессах северокавказского плена и продажи: вывоз кавказских и российских пленниц на восток в XIX веке // *Женщины в истории: недостающие фрагменты исторического полотна. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Сост. А.А. Цыбулькикова. Армавир, 2010. С. 279-290.*

[Цыбулькикова, 2011](#) – *Цыбулькикова А.А.* Половозрастные признаки российских пленников на Северном Кавказе в первой половине XIX в. // *Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа – III*. Пятигорск, 2011.

[Шамиль, 1953](#) – *Шамиль* – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сборник документальных материалов. Под ред. Ш.В. Цагарейшвили. Тбилиси, 1953.

[Швейгер-Лерхенфельд, 1885](#) – *Швейгер-Лерхенфельд А.Ф. фон.* Женщина. Ее жизнь, нравы и общественное положение у всех народов земного шара. 2 изд. СПб, 1885.

[Cherkasov et al., 2017](#) – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.* The List of Captives from the Turkish Vessel Belifte as a Source of Information on the Slave Trade in the North-Western Caucasus in the Early 19th century // *Annales Ser. hist. sociol.* 2017. 27 (4). Pp. 851-864.

[Cherkasov et al., 2018](#) – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Šmigel' M., Bratanovskii S.N.* Evolution of the Institution of the Slave Trade in the Caucasus in the IV–XIX centuries // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 50. Is. 4. Pp. 1334-1346.

[Cherkasov et al., 2019](#) – *Cherkasov A., Koroleva L., Bratanovskii S., Šmigel' M.* The Escape from Circassia on the Eve of the Caucasian War // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2019. Vol. 64. Is. 4. Pp. 1355-1367.

[Documents and materials, 2016](#) – Documents and materials on the History of Jigetiá Spanning the Period from 1750 to 1868 (A collection of documentary materials). Under the editorship of A.A. Cherkasov. Sochi: Academic Publishing House Researcher, 2016.

[Křížová, 2013](#) – *Křížová M.* Otroctví v Novém světě od 15. do 19. století. Praha, 2013.

[Quirini-Popławska, 1998](#) – *Quirini-Popławska D.* Niektóre aspekty niewolnictwa w Republice Weneckiej XIV i XV wieku // *Niewolnictwo i niewolnicy w Europie od starożytności po czasy nowożytne*. Kraków, 1998. Pp. 155-172.

Smigel, Cherkasov, 2016 – Smigel M., Cherkasov A.A. The Slavery in Circassia and the United States (1850–1860-ies years): General and Special // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 42. Is. 4. Pp. 1182-1197.

Vozgrin, 2018 – Vozgrin V.E. The Modern Times Slavery in the Countries of Black Sea and South Europe // *Slavery: Theory and Practice*. 2018. 3(1): 4-17. DOI: 10.13187/slave.2018.1.4

References

Adygi, balkartsy i karachaevtsy, 1974 – Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropejskikh avtorov XIII-XIX vv. [Adyghe, Balkars and Karachai in proceedings of European authors (XIII–XIX centuries)]. Ed. V.K. Gardanova. Nalchik, 1974. [in Russian]

Bakhtin, 2012 – Bakhtin, A.G. (2012). Plen i rabstvo v period mongolskogo zavoevaniya i v Zolotoy Orde po vostochnykh istochnikam [Captivity and Slavery during the Mongolian Conquest and the Golden Horde based on oriental sources]. *Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta*. 10: 31-38. [in Russian]

Cherkasov et al., 2017 – Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Smigel, M., Molchanova, V.S. (2017). The List of Captives from the Turkish Vessel Belifte as a Source of Information on the Slave Trade in the North-Western Caucasus in the Early 19th century. *Annales Ser. hist. sociol.* 27(4): 851-864.

Cherkasov et al., 2018 – Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Šmigel', M., Bratanovskii, S.N. (2018). Evolution of the Institution of the Slave Trade in the Caucasus in the IV–XIX centuries. *Bylye Gody*. 50(4): 1334–1346.

Cherkasov et al., 2019 – Cherkasov, A., Koroleva, L., Bratanovskii, S., Šmigel', M. (2019). The Escape from Circassia on the Eve of the Caucasian War. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 64(4): 1355-1367.

Documents and materials, 2016 – Documents and materials on the History of Jigetiya Spanning the Period from 1750 to 1868 (A collection of documentary materials). Under the editorship of A.A. Cherkasov. Sochi: Academic Publishing House Researcher, 2016.

Dudarev, 2018 – Dudarev, S.L. (2018). Ekonimicheskoe sostoyanie gortsev Severnogo Kavkaza glazami evropejskikh avtorov XVIII v. [Economic situation of mountaineers in the North Caucasus in the eyes of European authors of the XVIII century]. *Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2(1): 84-93. [in Russian]

Dzukanov, 2015 – Dzukanov, T.A. (2015). Osobennosti i kharakter cherkesskoi rabotorgovli v XIII–XV vv. [The features and nature of the Circassian slave trade in the XIII–XV centuries]. *Sotsial'no-politicheskoe i kul'turnoe prostranstvo Tsentral'nogo i Severo-Zapadnogo Kavkaza v XVI – nachale XX vv.: napravleniya i dinamika integratsionnykh protsessov. Sbornik nauchnykh statey*. Nalchik. Pp. 16-28. [in Russian]

Emanov, 1995 – Emanov, A.G. (1995). Sever i Yug v istorii komertsii na materialakh Kafy XIII – XV vv. [North and South in the history of commerce based on the materials of Kafa of the XIII–XV centuries]. Tyumen. [in Russian]

Istoriya narodov, 1988 – Istoriya narodov Severnogo Kavkaza (konets XVIII v. – 1917 g.) [History of the peoples of the North Caucasus (the end of the XVIII century – 1917)]. Moscow, 1988. [in Russian]

Karpov, 1982 – Karpov, S.P. (1982). Venetsianskaya rabotorgovlya v Trapezunde (konets XIV – nachalo XV v.) [Venetian slave trade in Trapezund (late XIV – early XV century)]. *Vizantiiskie ocherki*. Moscow. Pp. 191-207. [in Russian]

Kavkaz..., 2010 – Kavkaz: evropeiskie dnevniki XIII–XVIII vekov [Caucasus: European diaries of the XIII–XVIII centuries]. Ed. V. Atalikov. Vol. III. Nalchik, 2010. [in Russian]

Khudova, Tsybulnikova, 2016 – Khudova, L.N., Tsybulnikova, A.A. (2016). Torgovlia nevolnitsami na chernomorskom poberezhie Severo-Zapadnogo Kavkaza v zhivotopisnykh i pismennykh istochnikakh XIX v. [Slaves trade at the Black Sea coast of the North-West Caucasus in the picturesque and written sources of 19th century]. *Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatel'naya mysl (Krasnodar)*. T. 8. No. 3. Part 2. Pp. 95-100. [in Russian]

Khotko, 1993 – Khotko, S.Kh. (1993). Cherkesskie mamliuki [Circassian Mamluks]. Maykop. [in Russian]

Khotko, 2001 – Khotko, S.Kh. (2001). Ocherki istorii cherkessov [Essays on the history of the Circassians]. St. Petersburg. [in Russian]

Khotko, 2015 – *Khotko, S.Kh.* (2015). Geopoliticheskie i etnokulturnye prichiny vovlecheniya naseleniya Severnogo Prichernomoriya v mobilizatsionnyuyu sistemu egipetskikh mamlyukov [Geopolitical and ethnocultural reasons for involvement of the Northern Black sea coast's population in the Egyptian Mamluk mobilization system]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya I: Regionovedenie.* 4(167): 61-67. [in Russian]

Khotko, 2016 – *Khotko, S.Kh.* (2016). Cherkeskie raby v zapadnom Sredizemnomorie (posledniaya tret XIII – XV vv.) [The Circassian slaves in the Western Mediterranean (the last third of the XIII – XV centuries)]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya I: Regionovedenie.* 1(174): 60-71. [in Russian]

Klaprot, 2008 – *Klaprot, Yu.* (2008). Opisaniye poezdok po Kavkazu i Gruzii v 1807 i 1808 godach [Description of trips to the Caucasus and Georgia in 1807 and 1808]. Nalchik. [in Russian]

Klychnikov, 2004 – *Klychnikov, Yu.Yu.* (2004). Ocherki istorii proshlogo narodov Severnogo Kavkaza [Essays on the history of the past of the peoples of the North Caucasus]. Ed. prof. V.A. Kaznacheeva. Pyatigorsk. [in Russian]

Klychnikov, Tsybulnikova, 2011 – *Klychnikov, Yu.Yu., Tsybulnikova, A.A.* (2011). «Tak buinuyu volnost zakony tesnyat...»: borba rossiiskoi gosudarstvennosti s khishchnichestvom na Severnom Kavkaze (istoricheskie ocherki) ["So violent freedom of laws are being squeezed...": the struggle of Russian statehood with predation in the North Caucasus (historical essays)]. Ed. and with the pref. V.B. Vinogradov. Pyatigorsk. [in Russian]

Křížová, 2013 – *Křížová, M.* (2013). Otročtví v Novém světě od 15. do 19. století. Praha.

Mamedov, 2010 – *Mamedov, I.D.* (2010). Istochniki popolnenia garema osmanskikh sultanov [Sources of replenishment of the Harem of the Ottoman Sultans]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya Istoriya i politicheskie nauki.* 2: 96-100. [in Russian]

Materialy po istorii Abkhazii, 2012 – *Materialy po istorii Abkhazii XIX v. (1863–1874 gg.)* [The materials on the history of Abkhazia in XIX century (1863–1874)]. Sukhumi, 2012. [in Russian]

Quirini-Popławska, 1998 – *Quirini-Popławska, D.* (1998). Niektóre aspekty niewolnictwa w Republice Weneckiej XIV i XV wieku. In: *Niewolnictwo i niewolnicy w Europie od starożytności po czasy nowożytne.* Kraków. Pp. 155–172.

Rastsvet i zakat rabotorgovli, 2019 – *Rastsvet i zakat rabotorgovli na Chernomorskom poberezhie Kavkaza. Chast 1* [The rise and fall of the slave trade on the Black Sea coast of the Caucasus. Part 1]. *Voennoe obozrenie*, 13. 2. 2019. [Electronic resource]. URL: <https://topwar.ru/153925-rastsvet-i-zakat-rabotorgovli-na-chernomorskom-poberezhie-kavkaza-chast-1.html> [in Russian]

Schweiger-Lerchenfeld, 1885 – *Schweiger-Lerchenfeld, A.F. von.* (1885). Zhenshchina. Ee zhizn, nray i obshchestvennoe polozhenie u vsekh narodov zemnogo shara [Woman. Her life, morals and social status among all peoples of the world]. 2nd ed. St. Petersburg. [in Russian]

Shamil, 1953 – *Shamil* – stavlennik sultanskoy Turtsii i angliyskikh kolonizatorov. Sbornik dokumentalnykh materialov. [Shamil – a protegee of sultan Turkey and British colonialists. Collection of documentary materials]. Ed. Sh.V. Tsagareishvili. Tbilisi, 1953. [in Russian]

Sibgatullina, 2020 – *Sibgatullina, A.T.* (2020). «Cherkeshenki» turetskoy literatury [“Circassian girls” of Turkish literature]. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN.* 2(12): 232-245. [in Russian]

Smigel, Cherkasov, 2016 – *Smigel, M., Cherkasov, A.A.* (2016). The Slavery in Circassia and the United States (1850–1860-ies years): General and Special. *Bylye Gody.* 42(4): 1182-1197.

Spencer, 1994 – *Spencer, E.* (1994). Puteshestviya v Cherkesiyu. [Travel to Circassia]. Translat. N. Nefliasheva. Maykop. [in Russian]

Sukunov, Sukunova, 1992 – *Sukunov, Kh.Kh., Sukunova, I.Kh.* (1992). Cherkeshenka [A Circassian woman]. Maykop. [in Russian]

Tornau, 2000 – *Tornau, F.F.* (2000). Vospominaniya kavkazskogo oficera [Memoirs of a Caucasian officer]. Moscow. [in Russian]

Tsybulnikova, 2010 – *Tsybulnikova, A.A.* (2010). Turetskie rabotorgovtsy v protsessakh severokavkazskogo plenoprodavstva: vyvoz kavkazskikh i rossiyskikh plennits na vostok v XIX veke [Turkish slave traders in the processes of the North Caucasian captivity and sales: the export of Caucasian and Russian captives to the east in the 19th century]. Zhenshchiny v istorii:

nedostayushchie fragmenty istoricheskogo polotna. Materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Ed. A.A. Tsybulnikova. Armavir. Pp. 279-290. [in Russian]

Tsybulnikova, 2011 – Tsybulnikova, A.A. (2011). Polovozpastnye priznaki rossiyskikh plennykh na Severnom Kavkaze v pervoy polovine XIX v. [Age and sex characteristics of Russian prisoners in the North Caucasus in the first half of the XIX century]. Rossiyskaya gosudarstvennost v sudbakh narodov Severnogo Kavkaza. Pyatigorsk. [in Russian]

Velikaya, 2011 – Velikaya, E.V. (2011). Borba Rossiyskoy administratsii s rabotorgovley na Severo-vostochnom Kavkaze v pervoy polovine 19 veka [Struggle of the Russian administration against slave-trade in the north east Caucasus in the first half of the 19th century]. *Nauchnye problemy gumanitarnykh nssledovaniy*. 10: 37-42. [in Russian]

Vozgrin, 2011 – Vozgrin, V.E. (2011). Rabstvo v stranakh Chernogo morya (pozdnee Srednevekov'e – Novoe vremya) [Slavery in the Black Sea countries (later Medieval – New time)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya*. 3: 90–100. [in Russian]

Vozgrin, 2018 – Vozgrin, V.E. (2018). The Modern Times Slavery in the Countries of Black Sea and South Europe. *Slavery: Theory and Practice*. 3(1): 4-17. DOI: 10.13187/slave.2018.1.4

Zolotarev, Kozlov, 1988 – Zolotarev, V.A., Kozlov, I.A. (1988). Rossiyskiy voennyi flot na Chernom more i v vostochnom Sredizemnomorie [The Russian navy in the Black Sea and in the Eastern Mediterranean]. Moscow. [in Russian]

Метаморфозы черкесской работорговли (XIII–XIX вв.): аспекты женского «живого товара»

Михал Шмигель^{a,*}

^a Университет Матея Бела, Банска Быстрица, Словакия

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотреть метаморфозные проявления черкесской работорговли в XIII–XIX веках, сосредоточиваясь в основном на женском «живом товаре». Кавказские девушки, а главным образом черкешенки, представляли специальный экспортный товар в страны (восточного) Средиземноморья. Их красота признавалась на протяжении веков практически всеми путешественниками и исследователями Кавказа, а на невольничьих рынках Ближнего Востока они пользовались большим спросом. В статье рассматриваются вопросы, с каких пор и в какой степени черкесы принимали участие в этой работорговле, что вело к практикам такого ремесла, как оно воспринималось самими объектами работорговли и каковы были последствия. Актуальность исследования проблематики заключается в том, что оно сосредоточено на женском элементе работорговли.

Материалами для подготовки статьи послужили российские и европейские исследования в основном Нового и Новейшего времени, опубликованные документы, а также научные публикации современного периода. Важным источником стали материалы личного происхождения: дневники, мемуары и публикации путешественников, разведчиков, эмиссаров – исследователей Кавказа в XVI–XIX веках и периода Кавказской войны (1817–1864). Методологическую основу исследования составили принципы объективности и историзма, критическое отношение к источникам, вынесение суждений в результате анализа совокупности фактов, а также воссоздание явлений в контексте исторического развития обстановки. При рассмотрении избранной проблемы применялся и междисциплинарный подход.

В заключении автор приходит к выводу, что с XIII века черкесы адаптировали механизмы черноморской работорговли и были втянуты в рынки международной черноморско-средиземноморской работорговли. Наибольший масштаб торговля рабами (и особенно рабынями) приобрела на Северном Кавказе в XVIII веке. Рост работорговли был

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: michal.smigel@umb.sk (М. Шмигель)

обусловлен возросшим спросом на «живой товар» на внешних рынках, в первую очередь турецком. Кавказские девушки представляли «специальный экспортный товар» в страны Востока. Черкешенки здесь ценились чрезвычайно высоко. Как ни парадоксально, но многие кавказские женщины вполне лояльно и со смирением относились к вероятности быть проданными в рабство. *Наложничество* при турках стало столь распространенным промыслом, что считалось даже неким «социально-культурным лифтом», путем спасения от нищеты, избавлением от невыносимо тяжелых условий жизни на родине. Работоторговля на Кавказе имела для горских обществ самые негативные последствия, нанесла великий демографический, экономический, культурный и моральный урон Кавказу.

Ключевые слова. Северо-Восточный Кавказ, черкесская работоторговля, быт горских обществ Кавказа, невольничество Ближнего Востока.